

I НА ЛОНЕ ПРИРОДЫ И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УХИЩРЕНИЙ

1. Хозяйственный мужичок

Известно ли читателю, как поступает хозяйственный мужик, чтоб обеспечить сытость для себя и своего семейства? О! это целая наука. Тут и хитрость змия, и изворотливость дипломата, и тщательное знакомство с окружающею средою, ее обычаями и преданиями, и, наконец, глубокое знание человеческого сердца.

Прежде всего он начинает с самого себя, с своей семьи, с работника или работницы, ежели у него есть, с людей, созываемых на помочи, и т. д. И главная забота его заключается в том, чтоб этот рабочий улей как можно умереннее потреблял еды и в то же время был достаточно сыт, чтобы устоять в непрерывной работе. Первый предмет, представляющийся его вниманию, — хлеб. Он не подает на стол мягкого хлеба, а непременно черствый — почему? — потому что черствый хлеб спорее; мягкого хлеба вдвое съешь. Затем он круглый год льет в кашу не коровье масло, а конопляное, хотя первое можно найти дома, а второе нужно купить, и оно обойдется почти не дешевле коровьего — почему? — потому что налей мужику коровьего масла, он вдвое каши съест. Свежую убоину он употребляет только по самым большим праздникам, потому что она дорога,

да в деревне ее, пожалуй, и не найдешь, но главное потому, что тут уж ему не сладить с расчетом: каково бы ни было качество убоины, мужик набрасывается на нее и наедается ею до пресыщения. Одно средство, за редкими исключениями, совсем изгнать ее из насыщающего обихода.

Не менее мудро поступает он и с гостями во время пирований, которые приходится на большие праздники, как Рождество, Пасха или престольные, и на такие семейные торжества, как свадьба, крестины, именины хозяйки и хозяина. Он прямо подносит приходящему гостю большой стакан водки, чтобы он сразу захмелел.

— Как поднесу я ему стакан, — говорит он, — его сразу ошеломит; ни пить, ни есть потом не захочется. А коли будет он с самого начала по рюмочкам пить, так он один всю водку сожрет, да и еды на него не напасешься.

Скотину он тоже закармливает с осени. Осенью она и сена с сырцой поест, да и тело скорее нагуляет. Как нагуляет тело, она уж зимой не много корму запросит, а к весне, когда кормы у всех к концу подойдут, подкинешь ей соломенной резки — и на том Бог простит. Все-таки она до новой травы выдержит, с целыми ногами в поле выйдет.

Таковы характеристические черты крестьянского хозяйственного быта, те черты, которыми определяется дальнейшее его жизнестроительство. Голова скромного хозяйственного мужичка не знает отдыха; с утра до вечера она занята всевозможными устроительными подробностями. Много лежит на нем обязанностей: прежде всего нужно, конечно, определить крайний *minimum*, чтобы прокормить себя и семью; потом — подумать об уплате денежных сборов и отыскать средства для выполнений этой

обузы; наконец, ежели окажутся лишки, то помечтать и о так называемой «полной чаше». Но расчеты его чересчур часто нарушаются. Беспреданно встречаются экстренные расходы: то свадьба в доме, то крестины — все это составляет предмет мучительных забот. Мужику все нужно; но главное всего нужна предусмотрительность, умение заблаговременно приготовиться и запастись, способность изнуряться, не жалеть личного труда, лишь бы как можно меньше истратить денег.

Деньги — это кровная язва крестьянского быта. Дома крестьянин очень мало в них нуждается — только на соль, да вино, да на праздничную убоину. От времени до времени требуется сшить девушке-невесте ситцевый сарафан, купить платок, готовый шугайчик; по возвращении из поездки в город хочется побаловать ребят калачом или баранками. В кои-то веки он купит праздничный армяк синего сукна для себя и недорогой материи на сарафан для жены. Вот и вся его домашняя денежная трата. Остальное он должен добыть на уплату всевозможных сборов.

Ради них он обязывается урвать от своего куска нечто считающееся «лишним» и свезти это лишнее на продажу в город; ради них он лишает семью молока и отпаивает теленка, которого тоже везет в город; ради них он, в дождь и стужу, идет за тридцать — сорок верст в город пешком с возом «лишнего» сена; ради них его обсчитывает, обмеривает и ругает скверными словами купец или кулак; ради них в самой деревне его держит в ежовых рукавицах мироед. Самого его не только не тянет к мироедству, но он и способностей к нему не имеет: он просто толковый и хозяйственный мужик.

Неудивительно, стало быть, что он весь погружен в одну думу: спасти себя и присных.

И он настолько привык к этой думе, настолько усвоил ее с молодых ногтей, что не может представить себе жизнь в иных условиях, чем те, которые как будто сами собой создались для него. Он идет за возом в город, думает и в то же время ищет глазами. Подкова на дороге валяется — он ее за пазуху спрячет (найденная подкова предвещает счастье); бумажку кто-нибудь обронил, окурочок папироски — он и их поднимет; даже клочок навоза кинет в телегу и привезет домой. Сегодня клочок, завтра клочок — смотришь, ан и целый возок наберется. В городе он отстаивает себя до последней крайности, но почти всегда без успеха, потому что городская обстановка ошеломляет его; там всё б́ары живут да купцы, которые тоже барами смотрят, — чуть что, и городской к ним на помощь подоспеет, в кутузку его, сиволапого, потащат. Где ему, темному и безграмотному мужику, спастись от всех ловушек, которые специально для него расставлены? Поэтому он продает свой товар по произвольно установленной цене, наскоро кормит лошадей и, сделавши необходимые закупки, спешит засветло доехать домой. Здесь он рассчитывает себя, откладывает гроши к грошам, разглаживает и рассматривает на свет скомканые ассигнации и прячет выручку в заветную кубышку. В большинстве случаев оказывается, что получка далеко не оправдывает ожиданий.

Подобные неудачи встречаются очень часто и до боли его трогают. Но они от него не зависят: все равно, застигнут ли они его или благополучно пройдут мимо, — все равно ему и еще, и еще придется идти им навстречу и подчиниться. Надо, стало быть, забыть о неудачах и стараться наверстать на чем-нибудь другом. И он, не успевши отдохнуть с дороги, обходит двор, осматривает, все ли везде в порядке,

задан ли скоту корм, жиреет ли поросенок, которого откармливают на продажу, не стерлась ли ось в телеге, на месте ли чеки, не подгнили ли слезы на крыше двора, можно ли надеяться, что вон этот столб, один из тех, которые поддерживают двор, некоторое время еще простоит. Он берет в руки топор и до самого ужина стучит им и облаживает замеченные огрехи. Словом сказать, спасает себя.

В свое время он припасается, стараясь прежде всего вырвать то, что достается задаром, а потом уже думает о том, чтобы как можно дешевле приобрести то, чего нельзя достать иначе, как за деньги. Летом овраг, разделяющий деревню на две половины, совсем засыхает; но в весеннее половодье он наполняется до краев водою, бурлит и шумит. Из соседней речки Пишковки заходит туда рыба: головли, ерши, язи, плотва, окуни, щуки. Заботливый хозяин пользуется этим даровым прибытком и ставит верши. Он больше всего радуется щуке, которая хоть и костлява, но зато попадает крупного размера и притом годна к солке впрок. Он наполняет ею все кадочки и бочонки, какие только найдутся в доме, и в продолжение всего лета лакомит себя, семью и домочадцев соленою рыбкой. Рыба тверда, почти несъедобна, но зато она спора, ее меньше съедят — и это все, что требуется доказать. Притом же на стол ставится чашка не с пустыми щами, а щи с рыбой; а это означает тороватость. Про такого мужика говорят: «Он живет торовато, у него щи с рыбой едят». И работники идут к нему охотнее, и помочь он скорее сбрет.

Весной же он запасается солониной. Прослышит, что где-нибудь корова от бескормицы еле жива, а владельца этой коровы сборами нажимают, устроится с тремя-четырьмя другими заботливыми

хозяевами в складчину, и купят коровью мясную тушу за пять рублей. В ней больше костей, нежели мяса, да и мясо неуваристое, точно мочало, а все-таки мало-мало двенадцать пудов этого мяса найдется — пуд-то обойдется каких-нибудь сорок копеек. И вот у него на все лето солонины хватит. За неимением погребов солонина зарывается в землю, но к наступлению летнего мясоеда все-таки сильно припахивает; но это делает ее еще спорее. Мужик и с запашком убоину съест, но, разумеется, меньше, нежели если б она была совсем свежая. Стало быть, и тут выгода.

Главное, поддержать в исправности силы, необходимые для летней страды. Не наедаться, а именно только в меру себя поддерживать. А как и чем этого достигнуть — вопрос второстепенный.

Летом мужик весь в работе. Ленивый и захудалый мужичонко и тот не сходит с полосы, а хозяйственный мужичок просто-напросто мрет на ней. Он почти не спит; ложится поздно, встает с зарей (по вечерней и утренней заре косить траву спорее) и спешит на работу. Вечно тревожимый думою о насущном хлебе, он набрал у соседнего помещика пустошных покосов исполу и даже из третьей копны, косит до глубокой осени и только с большой натугой успевает справиться с работой. И жена, и взрослые дети — все мучатся хуже каторги; даже подростки и те разделяют общую страдную муку. Зато в конце августа он уже может рассчитать, что своего хлеба у него хватит до Масленой. Но сена вдоволь: есть чем и скотину прокормить и на сторону продать можно. Сено — главная его надежда. Земельный надел так ограничен, что зернового хлеба сеется малость; сена же он может добыть задаром, то есть только потратив, не жалеючи, свой личный труд на

уборку. Мало его личного труда — он ходит по соседям, собирает пóмочи. Обыкновенно на пóмочи выходят в праздники, а это тоже доставляет своего рода спорость: прогульных дней меньше. Все знают, что у него и рыбы, и мяса насолено, и конопляного масла непочатый бочонок стоит, и чарка водки найдется, — и идут к нему. Идут весело, с песнями, работают споро; он в первой косе. Хотя с работы возвращаются не поздно, но на миру работа идет вдвое скорее; все-таки угощение наполовину дешевле обойдется, нежели ту же пустошь наемными рабочими убрать. Да и хозяину веселее, когда кругом все кипит и спорится. Это, может быть, одни из редких минут, когда в нем сердце взаправду играет.

Однако к концу страды даже он начинает тощать на работе. Лицо у него почернело под слоем вьвшейся пыли; домашние еле бродят. К счастью, страда кончается: и с озимым отсеялись, и снопы с поля свезены и сложены в скирды, и последнее сено убрали. Наступает осень, иногда румяная, иногда сопровождаемая ливнями. Осень тоже имеет свою страду, но уже более снисходительную. Работают преимущественно под крышей или вблизи дома, на гумне, на огороде. Слышится стук цепов; воздух насыщается запахом созревших овощей. Но хозяйственный мужичок зорко следит за атмосферическими изменениями, потому что и сплошь румяная осень может повредить, и от слишком частых дождей хозяйство, пожалуй, пострадает. Всего лучше, ежели погода перемежающаяся — тогда его сердце успокаивается до весны. Он ходит в поле и любит на рост озими. Но и тут уж мелькает в его голове предательская мысль: осень включет, да как-то весна захочет!

Что, ежели вдруг весна придет бездождная или сплошь переполненная дождями? «Пойдут на ни-

зинах вымочки — своего зерна не соберешь; или на низинах хорошо взойдет, да наверху сторит!» — мучительно думается ему.

Но загадывать до весны далеко: как-нибудь изворачивались прежде, изворотимся и вперед. На то он и слывет в околотке умным и хозяйственным мужиком. Рожь не удастся, овес уродится. Ежели совсем неурожайный год будет, он кого-нибудь из сыновей на фабрику пошлет, а сам в извоз уедет или дрова пилить наймется. Нужда, конечно, будет, но ведь крестьянину нужду знать никогда не лишнее.

Осенью он запасается на зиму. Сам с взрослыми сыновьями — целый день в лесу, готовит дрова и сучья; или молотит на гумне, справляет на зиму сбрую. Ежели найдется досуг, то для наполнения его у него есть и ремесло. Дуги на продажу готовит, бондарничает, веревки вьет. Женский персонал между тем занимается зимним припасом. Стучат сечки о корыто, наполненное ядреной капустой; солится небольшой запас огурцов, в виде лакомства, на праздники; ходенем ходит ткацкий станок, заготавливая красно и шерстяную редину, которыми зимой обшивают семью. Минуты нет отдохнуть. Даже с наступлением сумерек, при свете керосиновой лампочки (такое освещение дешевле лучины стоит), — и тут дело найдется. Большак новый лапоть плетет или старый починивает; старуха шерстяные чулки и карпетки вяжет; молодухи прядут. Благословенный труд не покидает этой семьи; он не кажется ей каторгой, а составляет естественный жизненный процесс. Поздно вечером (сидят долго, но зато встают позднее — где еще до свету!) ужинают и ложатся спать. Временно каторга прекращается.

Ночью изба представляет собою нечто вроде нестерпимой клоаки. Домочадцев скучилось так мно-

го, что и пол занят, и полаты, и лавки по стенам. Изба полна смрадом и стонами этого замученного хозяйственностью люда. У мужика есть, кроме избы, и «чистая» горница, но она не топится, ради сбережения дров, и вообще в ней даже летом редко живут; она существует напоказ и открывается только в праздники. Хорошо еще, что жилая изба топится по-«черному»; утром, чуть свет, затопит хозяйка печку, и дым поглотит скопившиеся в избе миазмы. Этот дым выедаёт глаза, щекошет ноздри. В беспрестанно отворяемую дверь врывается холодный воздух. Сонные домочадцы, разбуженные запахом гари и холодом, вскакивают как встрепанные и бегут на крыльцо, где на веревке качается рукомойник. Зато часа через два, когда семейный обед готов, хозяйка заботливо закутывает печь, и в избе делается светло и тепло. «Точно в раю!» — говорит она довольным голосом.

Только в короткий рождественский мясоед жизнь становится как будто льготнее. Молодежь отдыхает; даже старики позволяют себе относительную свободу, хотя хозяйственный мужичок и тут не упускает случая, дающего возможность с выгодой употребить свой труд. Днем, около сумерек, деревенская улица полна катающимися. Парни, усадив в сани гурьбы девушек, настегивают лошадей и мчатся во всю прыть. Слышатся гиканья, крики, смех. Накатаются досыта, иззябнут, но в избу заходят ненадолго. Зажгутся в избах огни — пора на поседки. Соберутся в очередную избу, играют песни и веселятся до петухов. Тут парни высматривают невест, завязываются сватовства на Красную горку; любовь вступает в свои права.

В это же время, по преимуществу, хозяйственный мужичок играет свадьбы.

Женитьба сына не требует особенных приготовлений. Сын берет бабу в дом, а дома все идет своим чередом; прибавляется только лишняя работница. Присмотреть невесту, уговориться насчет приданого, установить норму расходов для пирований и на плату за венчание — вот все, что требуется. Но к свадьбе дочери готовятся издалека и исподволь, чтоб расход не был чувствителен. Дочь имеет собственную коробью, в которую сама собирает свое приданое. Ей каждый год отделяется небольшой клочок земли и дается горсточка льну на посев; этот лен она сама сеет, обдeldывает и затем готовит из него для себя краснó. Все заготовленное она прячет в коробью, вместе с полученными в разное время подарками: платками, бусами, нарядными сарафанами и т. д.

С наступлением времени выхода в замужество — приданое готово; остается только выбрать корову или телку, смотря по достаткам. Если бы мужичок не предусмотрел за́годя всех этих мелочей, он, наверное, почувствовал бы значительный урон в своем хозяйстве. А теперь словно ничего не случилось; отдали любимое детище в чужие люди, отпировали свадьбу, как быть надлежит, — только и всего.

Выше я сказал, что хозяйственный мужичок играет домашние свадьбы (или, точнее, женит сына, потому что дочь выдается, когда жених найдется) преимущественно к концу рождественского мяседа. В этом деле им тоже руководит мудрость змия и твердая решимость не потерпеть ущерба в жизнестроительном обиходе. Своевременно приведенная в дом сноха родит, при таком расчете, не раньше осени; следовательно, всю летнюю страду она отбудет свободно. И не только будущую страду, но и предбудущую, потому что ребенок, родившийся с осени,

успеет мало-мальски окрепнуть и не будет слишком часто отрывать мать от работы. Женить на Красную горку тоже удобно с точки зрения ближайшей страды, но зато предбудущая уже не дает достаточного обеспечения: ребенок будет мал и слаб.

Как видит читатель, никаких дум у хозяйственного мужика нет, кроме думы о жизнестроительстве. Ради нее он отдает себя и семью в жертву каторге, ради нее терпеливо выносит всякие неожиданности. Она затемняет в нем даже любовь к семье. Он всецело отдает ей самого себя, но и только. Той любви, которая заставляет видеть в жене, сыне, дочери нечто ненаглядное, неприкосновенное для обид, не существует для него. И всю семью он успел на свой лад дисциплинировать; и жена и дети видят в нем главу семьи, которого следует беспрекословно слушаться, но горячее чувство любви заменилось для них простою формальностью — и не согревает их сердец.

Наконец идеал «полной чаши» достигнут. Изба прочна и хорошо ухичена; запасу вдоволь, скотины в избытке, дети — в порядке. В доме царствуют мир и согласие; даже в кубышке деньга, на черный день, водится. В таком положении до мироедства — один только шаг. Но хозяйственный мужик от природы чужд кровопивства; его не соблазняет ни лавочка, ни кабак. Непрерывным трудом и думою о будущем он достиг известной степени зажиточности — и будет с него. По-прежнему — он отказывается от чайничества, по-прежнему — ест хлеб черствый, а не мягкий, по-прежнему — осторожно обращается с свежей убоиной. Если б он поступил иначе, ему было бы не по себе, он перестал бы быть самим собой.

Но с «полною чашей» приходит и старость. Мало-помалу силы слабеют; он не может уже идти со-

рок верст за возом в город и не выносит тяжелой работы. Старческое недомогание обступает со всех сторон; он долго перемогает себя, но наконец влезает на печь и замолкает.

На арену хозяйственности выступает большак-сын. Если он удался, вся семья следует его указаниям и, по крайней мере, при жизни старика не выказывает розни. Но по временам стремление к особничеству все-таки прорывается. Младшие сыновья припрятывают деньги, — не всё на общее дело отдают, что выработают на стороне. Между снохами появляются «занозы», которые расстраивают мужей.

«Умру — всё растащат!» — думается старику, и болит, ах, болит его хозяйственное сердце!

Наконец он умирает. Умирает тихо, честно, почти свято. За гробом следует жена с толпою сыновей, дочерей, снох и внучат. После погребенья совершают поминки, в которых участвует вся деревня. Все поминают добром покойника. «Честный был, трудовой мужик — настоящий хрестьянин!»

Да, это был действительно честный и разумный мужик. Он достиг своей цели: довел свой дом до полной чаши. Но спрашивается: с какой стороны подойти к этому разумному мужику? каким образом уверить его, что не о хлебе едином жив бывает человек?

2. Сельский священник

В основе существования сельского священника лежит та же мысль, как и у хозяйственного мужика: обеспечить себя и семью от вторжения нужды. Та же мучительная дума о завтрашнем дне, то же неотступное желание заблаговременно определить мельчай-

шие подробности жизнестроительства с целью избежать неожиданностей. Впрочем, оговариваюсь: я говорю исключительно о священнике бедного прихода, и притом держащемся старозаветных преданий, словом сказать, о священнике, не отказавшемся от личного сельскохозяйственного труда. О священниках новой формации я знаю очень мало, хотя слышал, что большинство их уже относится, например, к полеводству довольно холодно (отдают свой земельный участок в кортому). Какой тип священника лучше и любезнее для народа, это покажет время; но личные мои симпатии, несомненно, тянут к прежнему типу, и я очень рад, что он исчезает настолько медленно, что и теперь еще составляет большинство. Но даже и там, где уже появился новый «батюшка», рядом с ним живут дьячок или пономарь, которым уж никак нельзя существовать иначе, как существовали их отцы и деды.

Поэтому всё, что я скажу дальше о сельском священнике, вполне применимо и к причетническому быту, но, разумеется, в удвоенной степени, потому что и нужда здесь двойная, и размеры обеспечивающих средств вдвое и втрое меньше.

Нужда сельского священника значительно превышает нужду хозяйственного мужика. Священник живет шире не потому, чтоб это была его прихоть, а по необходимости: поповская обстановка истари так сложилась. У него дом больше — такой достался ему при поступлении на место; в этом доме, не считая стряпущей, по крайней мере две горницы, которые отапливаются зимой «по-чистому», и это требует лишних дров; он круглый год нанимает работницу, а на лето и работника, потому что земли у него больше, а стало быть, больше и скота — одному с попадьей за всем недоглядеть; одежда его и жены

дороже стоит, хотя бы ни он, ни она не имели никаких поползновений к франтовству; для него самовар почти обязателен, да и закуска в запасе имеется, потому что его во всякое время может посетить нечаянный гость: благочинный, ревизор из уездного духовного правления, чиновник, приехавший на следствие или по другим казенным делам, становой пристав, волостной старшина, наконец, просто проезжий человек, за метелью или непогодой не решающийся продолжать путь. Куда толкнуться? — на постоялом дворе пьянство, холод, вонь — айда к попу! И священник волей-неволей заказывает работнице самовар и подает угощение. Но что всего больше угнетает священника — это дети. Их надо воспитать, а воспитать — значит подносить подарки, прилично одевать, содержать на наемной квартире и покупных хлебах, сначала в уездном городе, а потом и губернском. Язва, которую вносят с собой деньги в обиход хозяйственного мужика, в священническом обиходе оказывается двойною и тройною. Везде дыры, везде заткнуть надо. И дом достался ему — только слово, что дом; стены ветхие, накаты под полом сгнили, половицы колеблются. Всюду дует, везде надо заплату поставить — надолго ли? И двор, того гляди, повалится — хоть новый строй. У дочери-невесты платья подошли, а поблизости, у соседа-священника, скоро свадьбу играть будут; ежели не ехать — люди осудят, а ежели ехать — надо и самому приформиться, и семью обшить. В старом-то сарафане и пригожую девку никто за себя не возьмет. Сидит батюшка поздно вечером за приходскими книгами и думает крепкую думу: «Никак не извернусь!» Придется ему вытянуться в струну, урезать себя, отказаться от куска, лишь бы уgomонить женский персонал, который уже загодя предвкушает удовольствие предстоящего свадебного пиrowания.

Приход мал и беден. С праздничным причт ходит раз пять в год, причем мужики отделяются трешницами или пятишницами; даже местный мироед больше двугривенного не дает. Сколько с сорока — пятидесяти дворов таких грошей наберешь? Церковь пустует; еле хватает церковных доходов на покупку муки для просфор и красного вина. Молебны редкие, за потребу — плата ничтожная, свадеб мало. Соберется в год рублей сотни полторы — и те надо с причетниками поделить; очистится ли, нет ли после дележа на его пай сотня рублей? Жалованье тоже несообразное, и не увидишь, как оно между пальцев уйдет. Единственная прочная надежда на землю и на личный труд. Да и то еще как Бог совершит.

Известно, что к церквам обязательно прирезывается до тридцати трех десятин земли. В иных приходах бывают и жертвованные земли, но это встречается редко. Две трети этой земли (ежели нет дьякона) составляют долю священника; остальная треть отдается двум причетникам. Вот на этих-то двадцати двух десятинах и сосредоточивает священник свои упования. Из них до шести десятин на его долю под лесом приходится, десятины две под лугом, около десятины уйдет под усадьбу с огородом, под церковь, под площадь. Десятин приблизительно двенадцать священник распахивает да с четверть десятины уделывает под лен жене и дочерям.

Хорошо еще, что церковная земля лежит в сторонке, а то не уберечься бы попу от потрав. Но и теперь в церковном лесу постоянно плешинки оказываются. Напрасно пономарь Филатыч встает ночью и крадется в лес, чтобы изловить порубщиков, напрасно разглядывает он следы телеги или саней, и нередко даже доходит до самого двора, куда приве-

зен похищенный лес, — порубщик всегда сумеет отпереться, да и односельцы покроют его.

В полеводстве священник (назову его отцом Николаем) держится старой, трехпольной системы. Новшества — не в характере духовенства, да и не с чем к ним приступить. Нужны усовершенствованные орудия, а у него в распоряжении только соха да борона. Но главная беда — удобрения мало. Скота — две коровы, штук пять-шесть овец да лошадь — тут, вместе с небольшим огородцем, и одной десятины поля как следует не удобрить, а ему приходится удобрять четыре. Поэтому земля удобряется кой-как и дает соответственный урожай. Редко последний достигает размера сам-четверт для ржи и сам-третьей для овса. Тут и на семена отложить надо, и самому продовольствоваться, и на сторону хоть немного продать.

Хозяйственный священник сам пашет и боронит, чередуясь с работником, ежели такой у него есть. В воспоминаниях моего детства неизгладимо запечатлелась фигура нашего старого батюшки, в белой рубашке навывпуск, с волосами, заплетенными в косичку. Он бодро напирал всей грудью на соху и попускает лошадь, и сряду около двух недель без отдыха проводит в этом тяжком труде, сменяя соху бороной. А заборонит — смотришь, через две недели опять или под овес запахивать нужно, или под озимь двоить.

Помочи при пашне не в обычае. Миряне если бы и собрались на помочь, то не вспахали бы, а только взболтали бы землю, каждый на свой образец. При крепостном праве обратится, бывало, священник к помещику: «Позвольте дня на два работничка», — тот и дает. А нынче даже если и есть в селе господская экономия, то в ней хоть шаром покати. Впрочем,

ежели церковный староста дружит с священником, то иногда уговорит двух-трех особенно набожных прихожан — сам-четверт урвут часа по три собственной пашни и вспашут батюшке десятинку. Такой помочи священник особенно рад: ни «подносить», ни угощать помощников не нужно, на ласковом слове довольны.

Сенокос обыкновенно убирается помочью; но между этою помочью и тою, которую устраивает хозяйственный мужичок, существует громадная разница. Мужичок приглашает таких же хозяйственных мужиков-соседей, как он сам; работа у них кипит, потому что они взаимно друг с другом чередуются. Нынешнее воскресенье у него помочь; в следующий праздничный день он сам идет на помочь к соседу. Священник обращается за помочью ко всему миру; все обещают, а назавтра добрая половина не явится.

— Припáсу на сорок человек наготовлено, — горюет батюшка, — а пришло двадцать человек! хоть в навоз выливай щи!

Народ собрался разнокалиберный, работа идет вяло. Поп сам в первой косе идет, но прихожане не торопятся, смотрят на солнышко и часа через полтора уже намекают, что обедать пора. Уж обнесли однажды по стакану водки и по ломтю хлеба с солью — приходится по другому обнести, лишь бы отдалить час обеда. Но работа даже и после этого идет все вялее и вялее; некоторые и косы побросали.

— Не каторжные! — раздается в толпе.

Делать нечего, надо собирать обед. Священник и вся семья суетятся, потчуют. В кашу льется то же постное масло, во щи нарезывается та же солонина с запашком; но то, что сходит с рук своему брату, крестьянину, ставится священнику в укор. «Работали до седьмого пота, а он гнилятиной кормит!»

Наконец обед кончен. Священник с вымученной улыбкой говорит:

— А нуте, господа-миряне, на дорожку еще чашик бы покосили!

Но половина мирян уже разошлась и молча, без песен, возвращается по домам.

Хорошо, что к сенокосу подоспели на каникулы сыновья. Старший уж кончает семинарию и басом читает за обедней апостола; младшие тоже, по крестьянскому выражению, гогочут. С их помощью батюшка успевает покончить с остальным сенокосом.

Попадья и с своей стороны собирает помочь: на сушку сена, на жнитво. Тут та же процедура, та же вялость и неспорость в работе.

«Смотреть на этих баб тошно!» — мучительно думает попадья, но вслух говорит: — А вы, бабыньки, для отца-то духовного постарайтесь! не шибко соломой трясите: неравно половина зерна на поле останется.

К половине сентября начинает сводить священник полевые счета и только вздрагивает от боли. Оказывается, что ежели отложить на семена, то останется ржи четвертей десять — двенадцать, да овса четвертей двадцать. Тут и на собственное продовольствие, и на корм скоту, и на продажу.

Некоторые священники пчелами занимаются, колод по двадцати, по тридцати держат. Это занятие выгодное. Пчела работает даром, но надо уметь с ней отваживаться. Ежели есть в доме старик-отец или тесть (оставшийся за штатом), то обыкновенно он занимается пчелами и во время роенья не отходит от ульев. Ежели нет такого старика, то и эта забота падает на долю священника, мешая его полевым работам, потому что пчела капризна: как раз не усмот-

ришь — и новый рой на глазах улетел. Однако все-таки тут довольно чувствительное подспорье. Около первого Спаса придет прасол, который скупает мед и воск, — пожалуй, рублей двадцать — тридцать и наберется.

Есть у священника и еще подспорье — это сборы с прихожан натуральными произведениями. О Пасхе каждым прихожанином уделяется ему на заутрени, при христосованье, несколько яиц; при освящении пасх (вместо которых употребляются ватрушки) тоже вырезывается кусок. Священник стоит с крестом в руках, а сбоку, на столике, лукошко, наполняемое яйцами. И у причетников по лукошку, и у детей священника и причетников — каждого одевают: кто одно, кто два яйца положит. То же самое повторяется и на славлении, которое производится целой гурьбой. А на другой день матушка по приходу с лукошком ходит — опять яйца. Ежели славить идут в дальнюю деревню, то запрягают лошадь и нагружают телегу лукошками. Яиц набирается много, девать некуда; кусков — тоже. Едят целую неделю, всего приесть не могут. Поэтому солят яйца впрок, а куски ватрушек сушат. Хоть и невесть какая пища, а все же годится для наполнения желудка.

Другое подспорье — поминальные пироги и блины. И от них уделяется часть священнику и церковному причту. Недаром сложилась пословица: поповское брюхо, что бёрдо, всё мнет. Горькая эта пословица, обидная, а делать нечего: из песни слова не выкинешь.

Третье, и самое значительное, подспорье — новь. Около Воздвиженья священник ездит по приходу в телеге и собирает новую рожь и овес. Кто насыплет в мешок того и другого по гарнцу, а кто — и на два

расщедрится. Следом за батюшкой является и матушка — ей тоже по горсточке льняного семени кинут.

Как и хозяйственный мужичок, священник на круглый год запасается с осени. В это время весь его домашний обиход определяется вполне точно. Что успел наготовить и собрать к Покрову — больше этого не будет. В это же время и покупной запас можно дешевле купить: и в городе и по деревням — всего в изобилии. Упустишь минуту, когда, например, крупа или пшеничная мука на пятак за пуд дешевле, — кайся потом весь год.

Питается священник в своей семье совершенно так же, как и хозяйственный мужичок. Точно так же осторожно обходится с убоиной; ест кашу не всякий день и льет в нее не коровье масло, а постное; хлеб подает на стол черствый и солит похлебку не во время варки ее (соляных частиц много улетучивается), а тогда, когда она уже стоит на столе. «Недосол на столе, а пересол на спине», — шутит он ради оправдания своих чересчур уж экономических соображений. Зато «напоказ» он и самовар имеет, и закуску держит, — чтобы гость понимал, что он, как и прочие, по-людски живет.

Однако хозяйственный мужичок позволяет себе думать о «полной чаше» и нередко даже достигает ее, а священнику никогда и на мысль представление о «полной чаше» не приходит. Единственное, чего он добивается, это свести у года концы с концами. И вполне доволен, ежели это ему удастся.

— Мужичок в сто крат лучше нашего живет, — говорит он попадье, — у него, по крайности, руки не связаны, да и семья в сборе. Как хочет, так и распорядится, и собой и семьей.

— Вон на Петра Матвеева посмотреть любо! — вторит ему попадья, — старшего сына в запрошлом году женил, другого — по осени женить собирается. Две новые работницы в доме прибудет. Сам и в город возók сена свезет, сам и купит, и продаст — на этом одном сколько выгадает! А мы, словно прикованные, сидим у окошка да ждем барышника: какую он цену назначит — на том и спасибо.

— А старость придет — в заштат отчислят, землю отберут... Ах, старость! старость!

Голова отца Николая осаждается невеселыми думами, сердце — в постоянной тревоге.

Основа, на которой зиждется его существование, до того тонка, что малейший неосторожный шаг неминуемо повлечет за собой нужду. Сыновья у него с детских лет в разброде, да и не воротятся домой, потому что по окончании курса пристроятся на стороне. Только дочери дома; их и рад бы сбыть, да с бесприданницами придется еще подождать.

Ни поговорить по душе не с кем, ни посоветоваться. Как ни просто держит себя священник, все же он не свой брат, — без нужды мужик к нему не пойдет. Сиди дома, думай думу, дела не делай, а от дела не бегай. Зимние долгие вечера наполнить нечем: нет у него ремесла. Ежели поучения сочинять, так не всякий на то способность имеет, а сверх того, вон — их целая книга на всякие случаи готова. Ходит отец Николай по горнице; портреты епархиальных архиереев рассматривает; рад-радехонек, когда пробьет наконец девять часов. Поставят на стол пустые щи, а там, по молитве, и спать. Во сне он видит, что комиссия об улучшении быта духовенства устраивается.

— А я во сне видел, что нам жалованья прибавили, — сообщает он жене — а что, ежели сон-то вещий?

— Добро! ступай-ка скотине корм задавать. Ужó на картах погадаем, прибавят ли тебе жалованья или нет.

Годы тянутся за годами, серые, полные тоски. Священник мечтает о другом приходе, где больше доходов, но мечты его сбываются редко. Он и беден, и протекции не имеет. Хорошо, ежели и старое-то место успеет за собой закрепить до тех пор, покуда силы не оставили. Старшую дочь он наконец успел выдать замуж — ничего, живет хорошо. Одной заботой меньше. Но каких хлопот ему это стоило! Нужно было и к прихожанам обращаться, каких-то старых «благодетелей» вспомнить, просить, кланяться, за каждый грош благодарить. Ради этого он в город съездил, всех купцов обошел, всех назвал ревнителями и истинными сынами церкви. И везде слышал: «выпьем, батя!» — и хорошо-хорошо, если в результате оказывалась зелененькая. А изъян, причиненный этим событием в собственном хозяйстве, — сам по себе. Пришлось корову продать, в долги влезть. Будет памятна отцу Николаю эта свадьба.

А невзгоды между тем идут своим чередом. То капли дождя не канет — сторело все; то ливни льют — все сопрело, сгнило. Вот он, подпоясанный, в белой рубашке навывпуск, идет с лукошком в руках. На дворе — который день дождик льет, от работы совсем отбило. Снопы с поля убирать бы надо, да погода не пускает, а снопы уж прорасти начали. «Семян не соберем!» — говорит он себе, и страх перед завтрашним днем ни на минуту не покидает его. Дождливая погода приводит урожай на грибы, и он все время проводит в лесу. Берет батюшка грибы и на небо поглядывает, не прояснится ли где хоть кушечек. Вот, слава богу, в сторонке слой облаков как

будто потоньше становится; вот и синевы клочок показался... слава богу! завтра, может быть, и солнышко выглянет.

Выглянет солнышко — деревня оживет. Священник со всею семьей спешит возить снопы, складывать их в скирды и начинает молотить. И все-таки оказывается, что дожди свое дело сделали: и зерно вышло легкое, и меньше его. На целых двадцать пять процентов урожай вышел меньше против прошлого года.

Ни одного дня, который не отравлялся бы думою о куске, ни одной радости. Куда ни оглянется батюшка, все ему или чуждо, или на все голоса кричит: нужда! нужда! нужда! Сын ли окончил курс — и это не радует: он совсем исчезнет для него, а может быть, и забудет о старике-отце. Дочь ли выдаст замуж — и она уйдет в люди, и ее он не увидит. Всякая минута, приближающая его к старости, приносит ему горе.

И вот старость уж за плечами стоит. Священник начинает плохо разбирать печатное; рука его еле держит потир; о тяжелых полевых работах он и не помышляет. Семья его разбрелась окончательно. Старший сын уж лет десять профессорствует в дальней епархиальной семинарии; второй сын священствует где-то в Сибири; третий — не задался: не кончил курса и определился писцом в одно из губернских присутственных мест. Дочери тоже повыданы замуж, а одна ушла в монастырь. Помощи ждать неоткуда, потому что у всех свои заботы, свои семьи. Землю батюшка сдал в кортому и один на один с попадьей коротает старческий век. Вдвоем им немного нужно, но впереди ждет неминуемый «заштат»...

Наконец грозная минута настала: старик отчислен заштат. Приезжает молодой священник, для

которого, в свою очередь, начинается сказка об изнурительном жизнестроительстве. На вырученные деньги за старый дом заштатный священник ставит себе нечто вроде сторожки и удаляется в нее, питаясь крохами, падающими со скудной трапезы своего заместителя, ежели последний, по доброте сердца или по добровольно принятому обязательству, соглашается что-нибудь уделить.

По старой привычке, а отчасти и по необходимости отец Николай ходит в свите причетников по приходу за яйцами, за новью; но его наделяют уж скупо...

Горькое начало, горькое существование, горький конец!

3. Помещик

Я буду говорить собственно о средней полосе России, и притом о помещике средней руки, не очень крупном и не совсем мелкопоместном.

Крупные землевладельцы встречаются редко. Они избрали благую часть: отрезали крестьянам в надел пахотную землю, а сами остались при так называемых оброчных статьях: лесах, лугах, рыбных ловлях и т. п. Пашню, какая осталась в излишестве, запустили под пастбище и тоже обратили в оброчную статью. Скота держат малость, только на случай приезда; старинные каменные хозяйственные постройки отчасти распроданы, отчасти пустеют и приходят в ветхость. Очевидно, что при таких условиях требуется не хозяйство, а только конторский надзор и счетоводство. В определенное время сдаются в конторе с торгов участки леса, лугов, мельницы, постоянные дворы, пастбище и прочие статьи.

Доход получается без хлопот, издержки по управлению незначительны. Живет себе владелец припеваючи в столице или за границей, и много-много, ежели на месяц, на два, заглянет летом с семьей в усадьбу, чтоб убедиться, всё ли на своем месте, не кривит ли душой управляющий и в порядке ли сад.

Но, кроме того, есть и еще соображение: эти посещения напоминают детям, что они — русские, а гувернерам и гувернанткам, их окружающим, свидетельствуют, что и в России возможна своего рода *vie de château*¹. Дети заходят в деревни и видят крестьянских детей, о которых им говорят: «Они такие же, как и вы!» Но француженка-гувернантка никак не хочет с этим согласиться и восклицает: «*C'est une race d'hommes tout-à-fait à part!*»² И затем, воротившись с экскурсии домой, ест персики, вишни и прочие фрукты, подаваемые в изобилии за завтраком и обедом, и опять восклицает: «*Ah! que c'est beau! que c'est succulent! cela me rappelle les fruits de ma chère Touraine!*»³

Повторяю: это не хозяйство, а конторское управление.

Что касается до мелкопоместных дворян, то они уже в самом начале крестьянской реформы почти совсем исчезли с сельскохозяйственной арены. Продали оставшиеся за наделом отрезки крестьянам позжиточнее (из них в скором времени образовались мироеды) и разбежались куда глаза глядят. Вообще судьба этих людей представляет изрядную загадку: никто не следил за их исчезновением, никто не

¹ Жизнь в замке.

² Это порода людей совсем особая!

³ Ах, какая прелесть! как это вкусно! это мне напоминает плоды моей дорогой Турени!

помнит о них, не знает, что с ними случилось. Такого-то видели в Москве — «совсем обносился»; такого-то встретили на железной дороге — в кондукторах служит. А большинство совсем как в воду кануло. Во всяком случае, эта помещичья разновидность встречается в настоящее время как редкое исключение. Ее заменил разночинец, который хозяйствует на свой образец.

* * *

Помещик средней руки обладает очень неважными средствами. В старину у него было душ двести — триста крестьян, а за наделом их в его распоряжении осталось от шести до семи сот десятин земли. Усадьба некрасивая, в захолустье; дом — похожий на крохотную казарму; службы ветшают; о «заведениях», парке, реке и в помине нет. Редко где встретишь ручеек, на котором, для вида, поставлена мельница, а воды и на один постав не хватает. Небольшой садишко с яблонями да огородец сбоку, а при въезде в усадьбу — прудок, похожий на помойную яму. Кругом ровное место, без малейшего пригорка, так что нет и признака так называемого «красивого местоположения». Земля тоже не особенно чивая. Половина под пустошами, десятин с сотню под лесом, о заливных лугах и слыхом не слыхать. Природа ничего не дала здесь даром, все приходится с бою брать.

Жить в такой обстановке непривлекательно, ежели на первом плане не стоит сельскохозяйственный интерес. Соседство ограниченное, а ежели и есть, то разнокалиберное, несимпатичное; материальные средства небольшие; однообразие, и в природе и в людях, изумительное: порадовать взоры не на чем. Чтобы не чувствовать, как час за часом тянется се-

рая жизнь, нужно, чтобы человека со всех сторон охватили мелочи, чтоб они с утра до вечера не давали ему опомниться. Тогда он не увидит, как пролетел день, и когда настанет время отдыха, то заснет как убитый. «Я ни разу болен не был с тех пор, как поселился в деревне! — говорит он, с гордостью вытягивая мускулистые руки, — да и не скучал никогда: времени нет!»

Помещиков средней руки имеется три типа: во-первых — равнодушный, во-вторых — убежденный и в-третьих — изворачивающийся с помощью прижимки.

О равнодушном помещике в этом этюде не будет речи, по тем же соображениям, как и о крупном землевладельце: ни тот ни другой хозяйственным делом не занимаются. Равнодушный помещик на скорую руку устроился с крестьянами, оставил за собой пустошá, небольшой кусок лесу, пашню запустил, окна в доме заколотил досками, скот распродал и, поставив во главе выморочного имущества не то управителя, не то сторожа (преимущественно из отставных солдат), уехал.

— Ты за лесом смотри, паче глазу его береги! — сказал он сторожу на прощанье, — буду наезжать; ежели замечу порубку — не спущу! Да мебель из дому чтоб не растащили!

— Будьте покойны, вашескородие!

— Пустошá сдавай в кортому; пашню, вероятно, крестьяне под поскотину наймут: им скот выгнать некуда. Жалованье тебе назначаю в год двести рублей, на твоих харчах. Рассчитывай себя из доходов, а что больше выручишь — присылай. Вот здесь, во флигельке, и живи. А для протопления можешь сучьями пользоваться.

— Много доволен, вашескородие!

Затем он приискал в Петербурге местечко и живет на жалованье да на проценты с выкупного свидетельства. Изредка получает из деревни то двести, то триста рублей и говорит знакомым:

— Я сегодня доход из деревни получил.

В течение десяти лет он только однажды посетил родное пепелище. Вошел в дом, понюхал и сказал:

— У, да как здесь пахнет!

Потом обошел лес и, заметив местами порубки, пригрозил сторожу («Без этого, вашескородие, невозможно!»). Узнал, что с пустошами дело идет плохо: крестьяне совсем их не разбирают.

— Кои загубели, кои березничком поросли, — жаловался сторож.

— Тем лучше; со временем лес будет!

— И лесу не будет; крестьяне расти не дают. Вскочит березка — сейчас вершину на веники срежут.

В два дня он все осмотрел и в заключение сказал:

— Ну, черт с вами! Вот сын у меня растет; может быть, он хозяйничать захочет. Дам ему тогда денег на обзаведение, и пускай он хлопочет. Только вот лес пуще всего береги, старик! Ежели еще раз порубку замечу — спуску не дам!

«Убежденный» помещик (быть может, тот самый сын «равнодушного», о котором сейчас упомянуто) верит, что сельское хозяйство составляет главную основу благосостояния страны. Это теоретическая сторона его мирозерцания. С практической стороны он убежден, что нигде так выгодно нельзя поместить капитал. Но разумеется, надо терпение, настойчивость, соответственный капитал и известный запас сведений.

Терпением и настойчивостью он обладает; капитал, хотя и небольшой, у него есть. Сведениями он тоже запасся. Кое-что он за границей видел, кое-чему научился из книг, кое-что слышал от опытных сельских хозяев. Но главному, разумеется, научит сама практика, сближение с разумным мужиком и наглядное знакомство с соседними хозяйствами. Хотя он еще молод и не живал подолгу в деревне, но уверен, что предстоящая задача совсем не так головоломна, как уверяют. Не боги горшки обжигают, — и простые смертные при помощи доброй воли сумеют это сделать.

Теперешнее его убеждение таково: надо как можно больше производить молока. Большое количество молока предполагает большое стадо коров. Кроме молока, стадо даст ему удобрение; удобрение повлечет за собой большее количество зерна и достаточно сена для продовольствия рогатого скота и лошадей. Молочное хозяйство должно окупить все текущие расходы по полевой операции; зерно должно представлять собой чистый доход. Вот цель, к которой должны быть направлены все усилия.

— И я достигну этой цели, — говорит он. — Везде, в целом мире, полеводство дает хотя и не блестящий, но вполне верный барыш; не может быть, чтобы мы одни составляли исключение!

С такими намерениями он приезжает на хозяйство и повсюду застаёт запустение. Прежде нежели приступить к полеводству, надо собственную обстановку устроить так, чтоб и ему и семье существовать было можно. Жену он тоже успел настроить в своем направлении, так что и во сне она коров видит; за детей заранее радуется, какие они вырастут крепкие и здоровые на вольном деревенском воздухе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
I. На лоне природы и сельскохозяйственных ухищрений	61
II. Молодые люди	122
III. Читатель (<i>Несколько нелишних характеристик</i>) ...	192
IV. Девушки	226
V. В сфере сеяния	306
VI. Портной Гришка	383
VII. Счастливец. <i>Этюд</i>	425
VIII. Имярек	460